

ПОЛДЕНЬ

**ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ
РОМАНЕЦКОГО**

НИКОЛАЙ РОМАНЕЦКИЙ.
26 июня 1953 – 10 января 2024

Фото Ильи Тё. Аэлита-2010

ДЕЛА ГОВОРЯТ САМИ ЗА СЕБЯ

МЫ вспоминаем Николая Романецкого по-разному.

Чаще всего как писателя, и это понятно. С 1991 по 2020 год он выпустил два десятка романов, хотя не все эти книги сам Романецкий любил так, как цикл «У мёртвых кудесников длинные руки», альтернативную историю, в которой магия — существует, Великий Новгород так и не подчинился державной Москве, а Санкт-Петербург по понятным причинам не возник вовсе.

Нередко — как ответственного секретаря журнала Б. Н. Стругацкого «Полдень. XXI век», а позднее главного редактора альманаха «Полдень». За двадцать лет с лишним Николай вложил в этот проект столько энергии, столько бесценного времени и душевных сил, сколько не вложил, пожалуй, никто из редакции — за исключением разве что самого Бориса Натановича.

Но не только.

У Николая Романецкого было редкое свойство: браться за задачи, которые не сулили ни славы, ни богатства, требовали не только опыта и глубоких знаний, но и кропотливости, упорства, настойчивости, концентрации внимания. Браться не то чтобы охотно, не с неофитским блеском в глазах, но впрягаться всерьёз — и неизменно доводить работу до конца. Его появление на сцене сразу же неуловимо меняло атмосферу. Можно было расслабиться, выдохнуть с облегчением: что бы ни случилось дальше, дело будет сделано наперекор любым форс-мажорам.

Романецкий мог за несколько часов написать сценарий театрализованного открытия «Интерпресскона» в духе капустника, собрать команду, провести репетицию — такое представление на много лет стало уникальной фишкой петербургского конвента. Или наоборот, годами координировать АБС-премию, корректно и настойчиво добиваться ответа от участников жюри, сводить очень непохожих людей с очень разными амбициями, взглядами и вкусами, виртуозно тушить конфликты и примирять стороны.

Он, разумеется, отлично умел работать с текстами — опять-таки очень разными и очень по-разному. Николай перевел

с английского более десятка фантастических романов, причем с равным вниманием и кропотливостью трудился над книгами проходными и культовыми, популярными и малоизвестными. Например, «Симулякры», один из самых важных и отчасти автобиографических романов Филипа К. Дика, выдержавший с 1996 года пять изданий на русском языке, перепечатывается в переводе Романецкого до сих пор.

В нулевых годах он задал полсотни вопросов тринадцати авторам, представляющим три поколения отечественной фантастики, от Бориса Стругацкого и Александра Житинского до Сергея Лукьяненко и Кирилла Еськова. «В течение 2004-2006 гг. в журнале „Полдень, XXI век“ публиковались однотемные интервью, которые я брал у современных русских писателей-фантастов (о прогрессе, угрозах человечеству, будущем России и мира и т. п.... Позже мне показалось интересным переработать материал, объединив задаваемые вопросы с ответами, полученными от разных интервьюируемых. ИМХО, так будет более выпукло

Борис Стругацкий и Николай Романецкий на банкете Интерпресскона-1998

показан ареал научных и общественно-политических взглядов писателей, представляющих в большинстве так называемую „четвертую волну“ отечественной фантастики. Теперь эта работа завершена», — писал Романецкий в предисловии к дополненной и переработанной версии цикла, опубликованной отдельной книгой в липецком издательстве «Крот» под названием «Тринадцать мнений о нашем пути».

Серия интервью принесло Романецкому самый обильный урожай цеховых наград: «Интерпресскон», «Бронзовую Улитку», АБС-премию, Беляевскую премию. И хотя один из участников проекта бурчал в свое время, что-де «выступали там известные писатели», а Романецкий почти ни при чем, никто из именитых коллег этот эксперимент повторить так и не сумел — да, в общем, и не пытался. В итоге «Тринадцать мнений» остаются одним из самых важных и, что существенно, уникальных источников по истории постсоветской фантастики, других таких нет и, видимо, уже не будет.

Романецкий регулярно проводил семинары под эгидой «Полдня», внимательно разбирал рассказы новичков, с неизменной доброжелательностью предлагал правки — но никогда не ранил хрупкое самолюбие дебютантов, нахраписто не лез в чужой текст, даже неловкий, откровенно ученический. Об этом, впрочем, лучше расскажут писатели, обязанные Романецкому первой публикацией — знаю, таких наберется немало.

Можно было бы закончить эффектной фразой «казался незаметным, оказался незаменимым» — но это, конечно, неправда. Те, кто хорошо знал Романецкого, кому посчастливилось работать с ним рядом, четко видели его редкий талант. Если кто-то этого не замечал, то исключительно потому, что Николай не любил пускать пыль в глаза, выпячивать свое «я», не спешил сравнивать себя с Толстым, Достоевским, Данте и другими классиками мировой литературы, чем порой грешат фантасты — и не только они. Не из ложной скромности, — а из уверенности, что дела говорят сами за себя. Вместо того, чтобы пасти народы, он писал, переводил, выпускал журналы, проводил мастер-классы, координировал премии.

Взваливал на себя — и тащил весь этот неподъемный груз, пока хватало сил.

Василий Владимирский, книжный обозреватель

СТАЛО ТЕМНЕЕ

ЛЮБОЙ литератор, как мне кажется, должен написать некролог самому себе ещё при жизни. Всякий взрослый человек хотя бы раз да задумывается о том, какие слова будут произнесены над его открытым гробом, какая эпитафия будет высечена на памятнике. Лучше остальных, конечно, скажут и напишут близкие друзья, но им придётся преодолевать боль и растерянность от потери, и самое важное они, вероятно, не вспомнят. Николай Романецкий был моим другом — не самым близким, однако из того круга, кому можно спокойно довериться в трудные дни. И я постараюсь вспомнить то, что мне самому важно.

Мы познакомились с Николаем в конце 1980-х, когда я, будучи ещё молодым и стеснительным студентом, начал посещать различные литературные посиделки в Доме писателей на Шпалерной. Мы были очень молоды тогда, но Николай излучал доброжелательное участие, без тени надменности, что важно для новичков, которые ищут поддержку со стороны более опытных товарищей по «цеху». Мне было приятно узнать, что он выпускник Ленинградского политехнического института, в котором я учился. И стало неожиданностью, когда Николай рассказал, что в студенческие годы играл на бас-гитаре в ансамбле, сам сочинял песни и выступал на сцене факультетского театра, ведь я ни о чём подобном даже не помышлял. Но всё же более значимым для меня в те годы было то, что он активно писал, участвовал в работе Семинара Бориса Натановича Стругацкого и мог многому научить.

Вскоре начали публиковаться тексты Николая. До сих пор с удовольствием вспоминаю его ранние повести «Казачи-разбойники» и «Прозрение крота», рассказы «Поворот», «Подарок для Тамухи» и «Банка апельсинового сока». Они были написаны лёгким стилем и вполне в духе «семинарской» традиции, тем не менее в них чувствовалась авторская индивидуальность — легко было представить себе, как Николай читает их вслух. Позднее, в 1996 году, появился роман «Убьём в себе Додолу», который стал «визитной карточкой» писателя Романецкого. Странное нестандартное произведение, выламывающееся из шаблонов привычной фантастики и меняю-

щее взгляд на возможности жанра. Современному читателю этот текст может показаться не слишком интересным, ведь мы успели привыкнуть к смешению жанров и откровенности в описании человеческих взаимоотношений. Но прочитать роман всё же стоит, потому что он стал вехой в истории петербургской фантастики конца XX века, и без него её дальнейшую эволюцию труднее понять.

В тот период Николай решил попробовать себя в коммерческих межавторских проектах — тоже характерная черта времени. Он писал для проектов «Миры братьев Стругацких. Время учеников», «Мир Пауков Колина Уилсона», «Секретные материалы», «Дорога к Марсу» и «S.T.A.L.K.E.R». Он относился к этой «подельщине» с иронией, но воспринимал её как вызов: смогу ли сделать текст живым и увлекательным в рамках жёсткого формата, где набор персонажей предопределён проектом, а тематический выбор ограничен заданным антуражем? Потом появилась возможность писать коммерческие романы, сочиняя собственные миры. Николай выбрал «космическую оперу», в результате чего появились циклы «Избранник» и «Экспансия». Он публиковал их под псевдонимом «Николай Романов», и коллеги прозвали его «Кровавым» (аллюзия, надеюсь, понятна?) — подтрунивание на грани допустимого, но он, конечно, не обижался.

Ещё Николай был настоящим тружеником. В 2002 году он по приглашению Стругацкого взял на себя обязанности ответственного секретаря журнала «Полдень, XXI век», а с 2013 года возглавил работу над альманахом фантастики «Полдень». За это время

Николай Романецкий со своей книгой «У мертвых кудесников длинные руки», только что вышедшей в издательстве «Крылов». Фото Павла Маркина. 2006.

Николай прочитал просто невысказанное количество текстов, поступающих «самотёком». Я был одним из тех, кто помогал ему, и могу подтвердить: доля беспомощной графомании там была запредельной — удачей считалось отыскать более или менее приличный рассказик среди тридцати-сорока присланных файлов. При этом Николай никогда не выносил оценочные суждения о «самотёке» на публику, а авторам всегда отвечал вовремя и предельно корректно.

Ещё Николай умел дружить. Никогда не навязывался, никогда не требовал ответных любезностей. Не позволял интриговать за спиной. Бывало, нас пытались рассорить, но мы тут же честно обсуждали кулуарные сплетни и сразу приходили к согласию. Несколько раз на меня писали доносы в редакцию «Полдня», ведь в отличие от Николая я позволял себе нелюбезные высказывания в адрес авторов «самотёка» — он пересылал мне доносы со своими саркастическими комментариями и по-доброму советовал не тревожить лишней раз ранимые души графоманов.

С Николаем было легко и светло. Вот только мы очень редко виделись просто так — вне компании или какого-нибудь дела. Печально, ведь эти встречи были по-настоящему тёплыми, беседы о пустяках расслабляли, а о литературе — вдохновляли. И каждый раз я сожалел, что встреча закончилась, а новая ещё не назначена.

Всё-таки Николай Романецкий написал свой некролог — небольшой и очень страшный рассказ «Ковчег на Второй линии», опубликованный в 1994 году. Он о смерти людей и гибели мира, и о петербургском литераторе Р., который, выполняя волю злых ангелов, собирает маленьких детей в «ковчеги» и убивает взрослых, уцелевших после катастрофического светопреставления, а затем и сам присоединяется к последним. «Р. закрыл глаза, чтобы в них не попала земля. Тело легло в братскую могилу, и Господь наконец взял к себе его истерзанную душу. Но над содержанием этой души Властитель небесный был не властен...»

Прощай, Николай! Без тебя стало темнее. И спасибо за то, что ты был.

*Антон Первушин, писатель,
научный журналист, исследователь истории науки,
космонавтики и научной фантастики;
последний староста семинара Б. Н. Стругацкого*

Без подлости

НЕ стало Николая Романецкого. Человека с умом и с характером. Без подлости — это, пожалуй, главное его качество.

Он был бессменным ответственным секретарем «АБС-премии», которую Центр современной литературы и книги учредил в 1997 году. Его фантастические повести, рассказы и романы никогда не спутаешь с текстами других авторов.

Мы были знакомы по семинару Бориса Стругацкого и по работе в ЦСЛК — там он проработал моим замом десяток лет.

Николай был человеком более чем с ПЯТЬЮ НЕ: не завистлив, не занудлив, не коварен, не лжив, не жаден, незлобив, не злопамятен, не болтлив, не труслив, не хвастлив...

Его очень ценил Борис Стругацкий, с которым Николай часто общался по делам АБС-премии, приезжая к Мэтру домой, где они хлопотали о премиальных делах всероссийской фантастической братии и выпуске альманаха «Полдень. XXI век», основателем и главным редактором которого был Борис Стругацкий, а Николай — ответственным секретарем.

И фантастическая братия, этот могучий клан фантастов любил и ценил Николая Романецкого, в нем признавали своего, прошедшего вместе со всеми сложным путем советской и российской фантастики.

И еще — он нравился женщинам! В нем были ценные слабости, о которых я мог только догадываться. Причем он не был ловеласом, бабским угодником, он вел себя естественно, но все сотрудницы смотрели на него с нескрываемым восторгом, словно знали, что всегда могут доверить ему свои тайны и получить утешение и совет.

Прощай, Коля! Ты был хорошим парнем! Вечная память!

*Дмитрий Каралис, прозаик, сценарист, публицист;
учредитель и директор «Центра современной литературы
и книги» (1997–2007, 2012–2013 гг.); соучредитель
и председатель Оргкомитета АБС-премии (1997–2007 гг.);
лауреат литературных и кинопремий*

ОЧЕНЬ ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

В 1999 году в Центр современной литературы, которым руководил Дмитрий Каралис, пришел работать писатель-фантаст Николай Романецкий. Николай тоже занялся всеми направлениями и сайтом Центра современной литературы, газетой, он также включился в работу по организации «АБС-премии». Николай — человек на редкость ответственный и исполнительный.

Когда мы познакомились ближе, он рассказал, что работал заместителем начальника цеха на Балтийском заводе, куда попал по распределению после института. Однажды произошел случай, который, как он говорил, переменял его жизнь.

Начальник цеха поручил ему позвонить на другое предприятие, чтобы в цех привезли нужные запчасти. Но его отвлекли другие заботы, да и день рабочий заканчивался... Словом, забыл!

Борис Стругацкий, Николай Романецкий; лауреат премии Светлана Бондаренко расписывается на Золотом шаре. Фото Павла Маркина. АБС-премия, 2006.

На следующее утро, когда Николай пришел на работу, его вызвал начальник и подвел к выходящему в цех окну. Цех стоял. Рабочие слонялись между станками, болтали в курилке, дулись в домино, кто-то дремал на скамейке.

— Видишь, — махнул рукой в их сторону начальник, — ты не заказал вчера нужные детали, и работа встала. Теперь полдня потеряно, а работа у мужиков сдельная. Если я им сейчас сообщу, что это ты оставил их без заработка, что они с тобой сделают?

«Я запомнил тот случай навсегда», — сказал мне Николай.

И эта полученная в юности психологическая травма повлияла на всю его дальнейшую жизнь.

Если Дмитрий Каралис давал поручение Николаю, можно было быть уверенным, что он его выполнит. Другое дело — поручить ему было непросто. Происходило обычно так. Мы втроем собирались в кабинете Каралиса обсуждать текущие дела.

— Коля, нужно завтра созвониться, а потом съездить... — дальше шла информация о том, с кем созвониться и зачем съездить.

Николай слушал какое-то время молча, медленно краснел лицом, потом, вдруг вскочив, кричал:

— Да нужно мне все это!!! — и решительно выходил из кабинета. «Ушел навсегда!» — думал я, глядя на захлопнувшуюся дверь.

Каралис переключался на другую тему. Мы продолжали обсуждать с ним дела, когда дверь отрывалась, входил Николай, садился на свое место, открывал блокнотик для записей. Каралис начинал снова:

— Так, Коля, нужно завтра съездить, но сначала созвониться...

Николай кивал, записывал телефон и прочее...

И в следующий раз разыгрывалась подобная сцена...

Но уж если он брался за дело, то вел его до конца.

Двадцать четыре года он был ответственным секретарем АБС-премии, при нем она стала международной и самой престижной премией в области фантастической литературы в России.

*Сергей Арно, писатель, заместитель
председателя Союза писателей Санкт-Петербурга;
директор Фонда братьев Стругацких*

НЕ СУЕТИСЬ!

ДЕСЯТЬ лет назад на фестивале Козьмы Пруткова меня подвели к нему и сказали:

— Вот наш главный фантаст. Коля, забери мальчика под крыло. И Николай Михайлович забрал.

Мне, начавшему писать почти в пятьдесят офицеру и металлургу, многое было непонятно в писательском мире; Коля взял меня за руку и, подобно Вергилию, провёл по всем кругам литературного ада и вывел к свету. С ним, бывшим заместителем начальника крупного производственного цеха, мне было легко.

— Не суетись, Тимурчик, — говорил Коля.

И я не суетился. Писал, правил по его советам, снова писал. От него научился культуре переписки с издательствами, что очень помогло. От него учился системности, терпению, выдержке.

Николай Романецкий гасил любые конфликты в зародыше, его доброжелательности, авторитета, спокойствия хватало на всё и на всех. Был совестью и стержнем петербургского фэндома. Душой «Полдня» и АБС-премии.

Сможем ли теперь не сбиться с шага, справимся ли?

Пусто без него. Холодно.

Тимур Максютков, писатель; председатель секции фантастики Союза писателей Санкт-Петербурга; лауреат премии «Интерпресскон»

ДЕД МОРОЗ

УШЁЛ из жизни наш друг и товарищ Николай Романецкий. Это большая беда и трагедия для меня и всех наших товарищей по литературной секции Союза писателей Санкт-Петербурга. Мы познакомились с Николаем более двадцати лет назад в стенах Центра Современной литературы и книги, который располагался на Набережной Макарова. К моменту знакомства Романецкий был уже известным писателем, особенно в кругах фантастов.

Туда я с робостью пришёл в начале 2003 года со своей первой книгой на секцию прозы. Я даже и не собирался вступать в Союз писателей, но ныне покойный директор Книжной лавки писателей Виктор Игнатъев настойчиво порекомендовал это сделать:

— Мы принимаем на реализацию только книги членов Союза писателей. И хотя я сделаю для тебя исключение — книга понравилась, но все же сходи, познакомься с собратьями по перу.

Меня мучили сомнения: да какой я писатель — вчерашний военный, написавший в более-менее художественной форме свою историю участия в Афганской войне.

Пришёл по указанному адресу на Васильевский остров. С замираньем сердца вошёл. Если мне не изменяет память, Николай тогда работал внештатным секретарём Центра. Кто-то подсказал,

Друзья-лауреаты с врученными им премиями: Александр Сидорович (премия имени Виталия Ивановича Бугрова) и Николай Романецкий (премия имени Ивана Антоновича Ефремова). Фото Ильи Тё. Аэлита-2010

как найти исполняющего обязанности председателя секции прозы Андрея Измайлова. Меня пригласили на заседание; так я и попал на первое литературное мероприятие — писательскую тусовку. Именно тогда я познакомился с Никитой Филатовым, Андреем Кивиновым, Николаем Романецким, Андреем Измайловым. Подружились.

Вскоре Николай Романецкий познакомил меня с Борисом Стругацким, сфотографировал возле трона мэтра, попросил Бориса Натановича подписать молодому литератору книгу «Сказка о тройке». Фото было опубликовано в одном из журналов фантастики во время болезни Бориса Натановича Стругацкого.

Затем, после вступления в Союз писателей Санкт-Петербурга, было много мероприятий, в которых я участвовал: АБС-премии, литературные фестивали, совместные творческие встречи. Какое-то время мы вместе с Николаем работали в секции прозы, а затем создали новую секцию, ныне носящую сложное название: секция военно-исторической, приключенческой, детективной прозы и литературы для юношества. Николай Романецкий долгие годы был моим заместителем и членом Совета СП СПб от нашей секции.

Почти пятнадцать лет мы весело проводили время в Доме писателя: ежемесячные творческие вечера, литературные мероприятия и литературные премии, выезды в Пустыньку на празднование премии Козьмы Пруткова, фуршеты с друзьями. А также ежегодные новогодние вечера и празднования Старого нового года, где Николай постоянно исполнял роль Деда Мороза, а Света Васильева — Снегурочки. Было очень интересно, литературная жизнь была ключом, наша секция работала и жила как большая дружная семья!

...И вот Николая, после долгой и продолжительной болезни, не стало...

Эх, Коля, Коля! Нам тебя будет не хватать!

Николай Прокудин, прозаик и детский писатель; председатель секции военно-исторической, приключенческой, детективной прозы и детско-юношеской литературы Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель комиссии по военной литературе Союза российских писателей, член Творческого Совета Ассоциации Союзов писателей и издателей России

ВЕЗЕТ ТОМУ, КТО НЕ СОМНЕВАЕТСЯ

ИНОГДА спрашивают, есть ли книга, которая изменила вашу жизнь?

Есть такая. «Везунчик» Николая Романецкого.

Прочитала и влюбилась в главного героя. Захотелось прогуляться с ним вместе по Питеру, поговорить... Не такая уж новость: в героев книг я влюблялась с детства, но здесь особый случай — с автором я была знакома. Ну, и поспешила выразить свое восхищение.

Николай тогда работал в Центре современной литературы и книги (ЦСЛиКе). В тот вечер у него было много дел, и он бегал туда-сюда, повторяя:

— Сейчас, сейчас, подожди...

Наконец, освободился.

Мы много потом гуляли по городу и разговаривали. Как-то зазевались — развели мосты. Бродили всю ночь...

Светлана Васильева и Николай Романецкий проводят презентацию альманаха «Полдень» на Фантассамблее-2016

В ноябре 2012 года умер Борис Стругацкий, главный редактор и основатель журнала «Полдень. XXI век». Журнал практически сразу закрыли.

Николай Романецкий, который из десяти лет существования журнала девять лет работал там в качестве ответственного секретаря, не мог с этим смириться: у него остались рукописи, отобранные Борисом Натановичем. Упорно искал издательства, спонсоров, начал выпускать электронный альманах «Полдень». Затем бумажный принт-он-деманд. Опубликовал все! Друзья помогали: давали деньги, бесплатно делали обложки, верстку, я читала самотек... Люди к Николаю всегда тянулись.

В 2016 году нашелся спонсор, и альманах стал тиражным и гонорарным.

Николай ушел 10 января 2024 года, но оставил в наследство «Полдень».

Светлана Васильева, писатель, редактор

«ВАРЕНИК» О РОМАНЕЦКОМ И «ВАРЕНИКАХ»

ДЕСЯТЬ лет назад ростовский клуб фантастики «Притяжение» запустил в интернете тренинг-конкурс фантастических миниатюр «Вареники». Голосование там двойное: один топ составляется по мнению авторов, второй — по мнению жюри. С 2016 года точно, возможно, и раньше, в жюри был приглашен и Николай Романецкий, на тот период всеми способами пытавшийся удержаться на плаву возрождаемый им альманах «Полдень».

Для участников «вареников» Романецкий был не просто членом жюри. Он был редактором «Полдня»! И он не просто составлял свой топ, но и самый лучший, по его мнению, рассказ брал в редакционный портфель. Зачастую так получалось, что выбранная им миниатюра ни в авторском топе, ни в усредненном топе жюри не попадала в тройку победителей. Мнение Романецкого иногда удивляло, но никогда не оспаривалось. Да и с чего бы?! А счастливец-автор получал почестей не меньшие, чем тройка победителей.

Так случилось и с моим рассказом то ли в конце 2017, то ли в начале 2018 года. По авторскому голосованию он едва вошел в десятку, по голосованию жюри чуть выше — за счет Романецкого, который отдал ему первое место и выбрал в редакционный портфель «Полдня». На тот момент я была еще автором начинающим, поэтому обрадовалась, разумеется.

На ближайшей после тех «вареников» секции фантастики я увидела Николая и подошла к нему поблагодарить, что выбрал мой рассказ.

— А я не знал, что он твой, — ответил тогда мне Романецкий. — Мне же тексты присылают на «жюрие» анонимные. Раньше, когда я был редактором у Бориса Натановича, он почти всегда одобрял отбираемые мной тексты, поскольку я и старался отбирать такие, которые ему бы точно понравились. Мне кажется, я понимал его требования. Вот и здесь: я прочитал

Николай Романецкий у входа в Центр современной литературы и книги. День памяти Бориса Стругацкого, 2013

миниатюру и понял, что она Стругацкому обязательно бы при-
шлась по душе.

Вот так в нескольких словах Николай тогда повысил мою само-
оценку как автора, которая на тот момент была едва выше плинтуса,
и подсказал прием, как писать хорошо и попасть в «Полдень». С тех пор я довольно часто пишу «вареники» не с расчетом на попадание в тройку победителей, а так, как это могло бы понравиться Б.Н. Стругацкому. Не знаю, насколько мне это удастся, но Романецкий и после того время от времени брал мои миниатюры, не считаясь с мнением других. Так что этой подсказкой Николая я намерена пользоваться и дальше, пока буду его помнить. Значит, всегда.

*Татьяна Берцева, писатель,
участник семинара альманаха «Полдень»*

ЧЕЛОВЕК ДЕЛА

В ЭТОМ году будет десять лет, как мы знакомы. И все десять — как с учителем и другом. Из его книг знаю лишь отрывки, но вот ему удавалось из отрывков моих, наспех пересказанных (пока никто не мешает говорить о литературе, а это 5–10 минут), составить свое мнение и изложить мне его доступно, авторитетно, без пафоса и нравоучений. Человек дела. Писательского дела. Хранитель правильных и уважаемых традиций. Победитель всех споров о шашлыках и вечного вопроса «что хотел сказать автор?» Просто очень хороший человек, которого всегда будут вспоминать, собираясь вместе и сидя в одиночестве. Забирают, как известно, лучших. Зато там весело и компания под-
ходящая!

Романецкому удалось быть душой такой компании и здесь. И, как у любого талантливого руководителя, даже в его отсутствие все работает, создается, издается, нанизывается строчка за строчкой и слово за слово... Нам осталось поддержать все это, пока мы здесь.

Эльвира Жейдс, пастор, писатель,

КРАТКО И ПО СУЩЕСТВУ

Я УМЕЮ писать только кратко и по существу.

Кто был для меня Коля...

Близкий друг, соратник по ИПК, «Полдню» и по многим другим литературным проектам.

Надежный товарищ, всегда спокойный, с юмором.

Конечно, мне будет его не хватать. Очень жаль.

*Александр Сидорович, издатель, редактор, фэн;
учредитель и бессменный председатель оргкомитета
конвента «Интерпресскон»; издатель альманаха «Полдень»*

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТКАЗА

ИСТОРИЯ моя незатейливая, но, наверное, именно в таких мелочах лучше всего и раскрывается характер человека.

Дело было, кажется, в 2011 году. Я уже начал выходить в литературный свет и был знаком с Николаем Романецким на уровне «Привет, как дела». И, разумеется, знал, кто он такой.

Ну и раз уж я лично знаком с редактором «Полдня», почему бы не попробовать там опубликоваться? Я набрался смелости и послал Николаю свой рассказик, а через какое-то время отловил на одном из мероприятий и спросил: ну как? А он мне ответил: «Знаешь, я даже не стал Борису Натанычу показывать. Он фэнтези не жалуется. А у тебя рассказ — постап, замаскированный под фэнтези. Я-то уловил, но, боюсь, БН до этого момента не дочитает».

А потом Борис Натанович умер, «Полдень» перестал выходить, и я в нем так и не опубликовался.

На этом все могло бы и закончиться. Но года через два-три теперь уже Николай меня отловил и рассказал, что собирается... нет, тогда еще не возродить «Полдень», а просто издать сборник рассказов, оставшихся в редакционном портфеле. В том числе и мой, если я его еще никуда не пристроил. Николай всегда о таких

вещах спрашивал, с этим у него было строго. То есть он не просто помнил мой рассказ, но и чувствовал, видимо, какое-то внутреннее беспокойство, неудовлетворенность тем, как все вышло.

А мне как раз вроде бы пообещали опубликовать тот рассказ в другом сборнике. Такая вот ерунда получилась. С одной стороны, приятно, что обо мне вспомнили, а с другой — и промолчать о том, что рассказ уже обещан, тоже нельзя, все равно потом всплывет. В общем, я чистосердечно признался: «Извини, но ничего не получится». В общем, расстроились мы оба.

И тут вдруг Николай предложил: «А может, ты тогда другой рассказ пришлешь?» Сам предложил, хотя у него наверняка были другие варианты. И я, разумеется, прислал, отчего же не прислать? Так я в конце концов все-таки оказался в «Полдне».

Вот и вся история. Можно, наверное, в заключение порассуждать о личных качествах Николая Романецкого: об его ответственности, обостренном чувстве справедливости, внимательном отношении даже к начинающим, никому не известным авторам. А можно просто сказать: «Коля, я помню, что ты для меня сделал».

Сергей Удалин, писатель, переводчик

БЫЛ ОЧЕНЬ ДОБРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ДЕЛО было так. Это был 2016 год. Я тогда, как все начинающие авторы, делал веерные рассылки. То есть отправлял рукописи по всем адресам, которые удалось надумать. Посылал в надежде на публикацию, а меня даже не посылали в ответ. Потому что не было ответов. А Романецкий ответил мне через неделю. Моя повесть «Шагатели» вышла в первом номере бумажного «Полдня», чем по сей день горжусь безмерно. Ну, первая публикация, сами понимаете...

Я тогда ещё плохо просекал, чем «Полдень» Романецкого отличается от «Полдень, XXI век», а просто с маниакальной настойчивостью отправлял свои опусы на известный адрес. И всегда именно в тот момент, когда начинала точить мысль: «Брошу

писать, никому это на хрен не надо...», приходил ответ от Романецкого. И у меня выходили в «Полдне» рассказы, и повесть, и ещё одна, и даже за неё мне дали пока единственную, но само собой не последнюю литературную премию.

Поэтому для меня уход Романецкого большая беда. Я не знал его лично, никогда не встречались. Но мне кажется, что он был очень добрым человеком. И я верю, что Романецкий там, где много хорошей фантастики, мало дураков и авторы не забывают именовать файлы.

*Константин Шабалдин, писатель-фантаст, сценарист,
режиссёр документального кино, телеоператор, художник;
лауреат премии «Полдень»*

ВСЕГДА РЯДОМ

ТАК получилось, что мы с Колей были рядом бóльшую часть жизни — во всяком случае, моей. Конечно, мы дружили, и почти все это время я так или иначе участвовал в его делах, творчестве, свершениях — и, надеюсь, скорее помогал, чем мешал...

Я не помню точно, когда мы познакомились, у меня плохая память на даты, а он уже не скажет. Знаю лишь, что это было за несколько лет до 1996 года: именно в том, давнем теперь году я сверстал и оформил его первую авторскую книгу; в сборниках он издавался и раньше, а эта была первой, составленной только из его произведений. Сию дату называю с уверенностью, ибо держу в руках экземпляр с автографами автора, художника и составителя.

(И если мне не изменяет память, то была чуть ли не первая книга, полностью подготовленная мною к печати.)

Но и в дальнейшем наше сотрудничество было насыщенным и плодотворным — мы много лет работали вместе в оргкомитете «Интерпресскона»; я помогал на раннем этапе подготовки АБС-премии (приложил руку к дизайну ее дипломов); издал книжку его стихов; сверстал Колину книгу об истории «Полдня»; и так получилось, что я же оформлял обложку последней прижизненной книги Николая...

Николай Романецкий дарит писателю Дмитрию Казакову свою книжку стихов «Тоники. Сага о кольце Сидора», седьмую в серии стихов писателей-фантастов «Альтернативный Пегас». Петроглиф–2018, Карелия, Куркиёки

Ну а когда, после периода сложностей, появился реальный шанс возродить «Полдень» как тиражный альманах, к станку вместе с Колей, само собой, встал и я, начиная с самого первого по тридцать третий выпуск, который вы держите в руках. Искренне верю, что еще множество «Полдней» увидят свет — это будет лучшим памятником Николаю Романецкому, писателю, редактору и другу.

Александр Олексенко, дизайнер, издатель, веб-мастер, фэн; художественный редактор, верстальщик и соиздатель альманаха «Полдень»

ВЫСОКАЯ МИССИЯ

... **ТАК** случилось, что мы никогда не виделись с Николаем Романецким, не жали друг другу руку. Я знал о его существовании, читал его тексты, а потом, когда моя повесть была принята для публикации и напечатана в «Полдне», мы изредка переписывались. Из его писем и текстов складывалось у меня ощущение порядочности, высокой культуры, тонкого юмора и, наверное, главное — его высокой миссии, значение которой, я думаю, он вполне осознавал.

Тот особый — высокий, уникальный интеллектуальный пласт советской (а затем и постсоветской) фантастики, который заложили Аркадий и Борис Стругацкие, не должен уйти в глубины истории и исчезнуть под наслоениями времени. Точнее, когда-то, в далеком будущем, это, наверное, произойдет. Но сегодня этого нельзя допустить, потому что стиль, формат, подход АБС по-прежнему актуальны и востребованы.

Борис Стругацкий, Николай Романецкий. АБС-приемия, 2003. Фото Павла Маркина

Николай Романецкий добровольно принял на себя выполнение ответственной миссии — поддерживать и продолжать литературную традицию АБС, конечно, обновляя и обогащая ее в соответствии с веяниями времени — как без этого. Для этого должен был существовать, несмотря на преграды и препоны, знаменитый альманах «Полдень». Это было очень непросто по многим параметрам, поскольку «Полдень», безусловно, не коммерческий проект. Это действительно результат чрезвычайно важной миссии, которую достойно выполнял вместе с близкими единомышленниками Николай Романецкий.

Не зная о случившемся, в феврале я написал Николаю — и спустя несколько дней, уже в марте, получил в ответ письмо с черной вестью.

Это огромная потеря. Это большая печаль.

Навсегда прощаясь с Николаем Романецким, хочу сказать: этот талантливый человек честно выполнял свою миссию до конца.

Все, кто его знал, будут его помнить.

Важно — теперь уже не только в память о наследии АБС, но и о многолетнем наследнике и редакторе «Полдня», — чтобы его миссия не прервалась.

*Сергей Арктурович Язев,
профессор, директор астрономической обсерватории
Иркутского государственного университета,
доктор физико-математических наук, Почетный работник
высшего профессионального образования РФ, член Федерации
космонавтики РФ, член правления Ассоциации планетариев России,
популяризатор науки, писатель, сценарист, журналист*